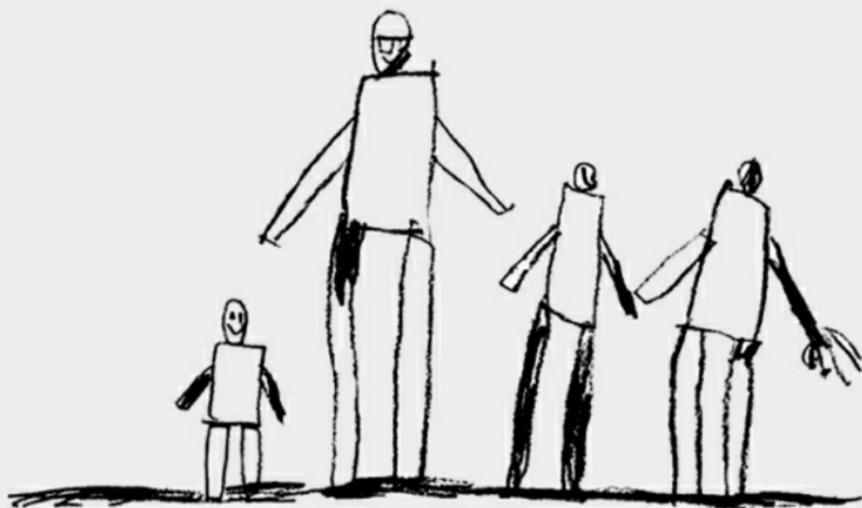

ВИКТОР УМАНСКИЙ

ДВА ПРОЦЕНТА

РАССКАЗ

16+

Виктор Александрович Уманский

Два процента

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35004497

SelfPub; 2018

Аннотация

Отец и мать – здоровые, без каких-либо врожденных заболеваний. Значит, и ребенок будет таким же! Во всяком случае, это весьма вероятно...

«Спокойно, – Егор старается дышать ровно, – с ней сейчас специалисты, которые принимают по несколько родов в день». Только за то время, пока он сидит на кушетке, в соседних родовых успешно завершились двое родов. Это рутинно, и вероятность каких-то осложнений крайне мала. Нужно просто ждать: скоро он обнимет любимую и их ребёнка.

У них будет мальчик. Думая о ребёнке, Егор представляет его не красным и ревушим комком, а уже подросшим – лет пяти. Они с женой идут по дороге, а мальчик рассекает впереди на самокате. Он чересчур разогнался. Света кричит ему, чтобы был аккуратнее, и машет рукой. В этом жесте и любовь, и страх за ребёнка, и вера в то, что с ним ничего не случится. А ещё – наслаждение ветром, треплющим её волосы.

Из-за двери родовой слышится шум: монотонный фон разговоров разрывается несколькими нервными возгласами. До сих пор Егор не слышал ничего подобного. Но он понимает, что волноваться не стоит: вероятнее всего, пока Света не начала рожать, он попросту не прислушивался, теперь же ловит каждый звук.

Двери лифта в конце коридора с лязгом разъезжаются. Санитары бегут по коридору с каталкой. Её колёса противно дребезжат. Один из мужчин, сидящих на кушетках, едва успевает убрать ноги: ещё немного, и каталка ударила бы его по колену – крайне болезненно. Егор морщится: санитарам следовало бы быть аккуратнее.

Рядом с местом, где сидит Егор, санитары начинают тормозить. Тапки одного из них скользят по керамической плитке. Каталку поворачивают боком и толкают её передним краем двери родовой. В коридор врываются звуки: «Сюда! Берём!». Егор встаёт.

Каталку вывозят. На ней – Света. Она держит что-то на груди, под простынёй. Санитары бегут с каталкой назад к лифту, следом – врач и медсестра. И Егор.

Когда все забиваются в лифт, для Егора места не остаётся. Но до того как двери закроются – целая вечность, чтобы всё выяснить. Врач приподнимает простыню и склоняется над Светой. Его не следует отвлекать.

– Что случилось? – спрашивает Егор у медсестры.

Та смотрит на него растерянно. Двери начинают сходиться, комкая воздух. Перед самым закрытием чуть притормаживают, затем схлопываются.

Итак, вероятнее всего, возникли осложнения, и Свету везут в реанимацию. На какой этаж? Егор не знает. Поднимает взгляд – табло с номерами этажей у лифта не работает. Бежит на лестницу. Здесь никого, только пролётом ниже медленно поднимается пара: муж поддерживает жену.

Почему-то Егору кажется, что реанимация должна быть наверху. Он начинает прыжками подниматься. На следующем этаже на лестницу выходит медсестра.

– На каком этаже реанимация?

– На шестом... – автоматически отвечает она.

Егор продолжает прыгать через ступеньки, теперь ещё быстрее.

* * *

Егор стоит у дверей реанимации. Потом сидит. Только через час он узнаёт: его жена и сын живы. А подробности позже. Куда уж позже? Спустя ещё час ребёнка переводят в отделение интенсивной терапии. Егор стоит у двери палаты, рядом врач. У ребёнка редкое генетическое заболевание – синдром Фоули.

– Частота его проявления – примерно один к двадцати тысячам, – после этих слов врач смотрит на Егора, будто ожидая реакции. Тот кивает.

Синдром Фоули впервые был зарегистрирован не так давно – около пятидесяти лет назад. Первые несколько детей, родившихся с этим заболеванием, умерли в первый час после родов – из-за закупоривания дыхательных каналов. Теперь же новорождённым с этим синдромом проводят срочную операцию. Их сын родился в тяжёлом состоянии, но... отчаянно боролся за жизнь.

– Простыми словами, синдром означает ускоренное старение. Атрофические изменения дермы, подкожной клетчатки...

Егор прерывает врача:

– Можно увидеть ребёнка?

– Сейчас можно. Думаю, это даже проще – вы сами всё поймёте. Но, пожалуйста, ведите себя спокойно. Ребёнок под

капельницей.

Они заходят в палату. Запах хлорки здесь чувствуется сильнее. Ребёнок лежит в кровати на клеёнке. Да, Егор и впрямь сразу понимает, что что-то пошло не так. Совсем не так. У младенца неестественно большая голова, обтянутая тонкой кожей. Выпученные глаза болезненно красные. Ушей практически нет: вместо них виднеются лишь маленькие розовые отростки. «Поросячьи хвостики», – думает Егор. Тонкие, как у скелета, ножки и ручки покрыты пигментными пятнами и сеткой тёмных вен.

* * *

В следующие сутки Егор и Света узнают много нового. Например, что синдром Фоули вызывается мутацией в 15-й хромосоме и провоцирует преждевременное старение. Кожа и внутренние органы изменяются, будто принадлежат не ребёнку, а старику. Помимо прочего замедляется развитие мозга. Больной оказывается недоразвит и беспомощен, ему требуется постоянный уход. Люди с этим заболеванием ещё ни разу не доживали до 25-ти лет. Рекорд – 23, а обыкновенно – не больше 15-ти.

Врач сказал Егору, что Свету и ребёнка выпишут как обычно – через неделю. Доктора сделали всё, что требовалось, и спасли ребёнка при родах. Процедуры и лекарства, продлевающие жизнь человеку с синдромом Фоули, в обязательную медицинскую страховку не входят. Его дальнейшее лечение – уже не в их компетенции.

– А в чьей? – спросил тогда Егор.

В палате со Светой сидят её родители. Кроме них пока никто не знает. Света рыдает, а мать поглаживает её по спине и приговаривает:

– Ну-ну, всё будет хорошо...

Егору становится мерзко, и он выходит. Спускается по лестнице, толкает белую пластиковую дверь и оказывается на улице. Май в этом году жаркий. Солнце слепит глаза, а лёгкий ветер обдувает шею. Сочная зелёная листва колыхается и дышит весной.

* * *

Неделю спустя Свету и маленького Федю выписывают. Теперь они сами по себе. Егор ездит по Москве и закупает препараты. Здесь мази, которые нужно дважды в день накладывать на кожу. Четыре вида таблеток. Ампулы для подкожных уколов. И семьдесят тысяч за раз. Препаратов должно хватить в среднем на месяц – одних чуть меньше, других чуть больше.

Света никогда не делала уколы, Егор тоже. Он смотрит обучающее видео в интернете и повторяет все действия: дезинфицирует кожу, собирает складку кожи – она тонкая, как пергамент, и просвечивает – и аккуратно вводит иглу под наклоном. Федя ревет, как в последний раз. От вида его лица может передёрнуть, поэтому Егор смотрит только на шприц в своих руках и плавно вводит раствор.

– Разобралась? – спрашивает он у Светы, сидящей рядом.

Теперь они знают, как ухаживать за ребёнком, чтобы тот не умер. Пришла пора разбираться, как его вылечить.

Егор углубляется в поиски частных клиник. Синдром Фолли мало изучен, государственная медицина не занимается им вообще. Упоминают о нём немногие, а имеющаяся информация часто противоречива.

Ребёнок тем временем начинает кашлять: подолгу и без перерывов, словно пытаясь выкашлять свои убогие внутренности. Тёмные вены на лице превращаются в маску, а из красных глаз с набрякшими веками текут мутные слёзы.

Выбор клиники приходится отложить: у Егора на работе начинается новый серьёзный проект. Отпуск за свой счёт он уже использовал, да и не стоит провоцировать руководство: сейчас ему точно нельзя терять работу.

Света не находит себе места: ей кажется, что ребёнка надо срочно лечить. Она готова ехать в первую попавшуюся клинику, обнадёживающую позитивными прогнозами. Да, лечение они предлагают дорогое, но деньги – не то, о чём следует волноваться, когда твой ребёнок умирает. Егор успокаивает жену: у него всё рассчитано, и времени по вечерам должно как раз хватить, чтобы за неделю-полторы выбрать хорошую клинику.

Дважды они вместе с Федей выезжают на беседы: их приглашает руководство клиник, объясняя, что случай крайне редкий. А ещё этот случай сулит клинике большие барыши – так думает Егор и продолжает изучать медицинские статьи.

Результаты – тезисы, контакты клиник и цены – он заносит в таблицу.

Практически везде им говорят, что в первую очередь необходимо провести обследование. «По результатам анализов и посмотрим, что можно сделать», – улыбается администратор, директор, главный врач. Света измученно улыбается в ответ: клиника приличная, здесь наверняка найдут хорошее решение. Егор спрашивает: «А какие варианты лечения могут быть выбраны в зависимости от результата?» – и достаёт блокнот.

Точно известно одно: для поддержания жизни ребёнка необходимо, помимо препаратов, проводить процедуры. Каждые три месяца надо сдавать комплекс анализов: процессы старения вызывают множество болезней. Помимо этого – еженедельные ингаляции для прочистки дыхательных путей, раз в два месяца – гемодиализ.

Света и сама, вслед за Федей, начинает походить на старуху. Он недостатка сна под глазами у неё залегли тени, волосы истончились, а кожа высохла. В один из вечеров, вернувшись домой, Егор находит её в болезненном возбуждении. Ему трудно разобрать её причитания. Скрывая лёгкую неприязнь, Егор обнимает жену: «Чшш, успокойся и не торопись». Он усаживает Свету на кухне и ставит чай.

Оказывается, Света сама нашла какую-то клинику «экспериментальной медицины». Специализируется та как раз на редких случаях, а ориентируется на современные западные

разработки. Свете казалось, что Егор не очень-то прислушивается к её мнению, поэтому она решила съездить туда сама – вместе с Федей.

Принимал их лично глава клиники – заслуженный доктор Буров. Он осмотрел ребёнка и обнадёжил. Процесс преждевременного старения можно остановить прямо сейчас – нужно лишь правильно подобрать препараты. То, что используют сейчас Света с Егором – это, как объяснил врач, всё равно что заколачивать гвоздь ракеткой для бадминтона. Лекарства слабы и действуют на слишком широкий спектр проблем. Чтобы забить гвоздь, нужен молоток; чтобы вылечить малыша, надо воздействовать на причину болезни точно. Они смогут подобрать нужный препарат – ведь у них есть доступ к медикаментам со всего мира, – но необходимо сдать специальный анализ.

Анализ дорогостоящий – около шестисот тысяч, – но в итоге даже с учётом покупки препаратов лечение выйдет гораздо дешевле, чем большая часть вариантов из таблицы Егора.

– Это просто счастье! – глаза Светы горят. – А ещё он напоследок меня обнял, а Федю поцеловал в лобик. Представляешь?

Она кидается Егору на шею, продолжая говорить. Она ведь с самого начала знала, что выход есть! Егор поглаживает её по спине.

Света хочет получить ответ: во сколько они завтра едут?

Может ли Егор сразу взять с собой деньги? Или сначала лучше пообщаться с директором? Можно и по квитанции в банке оплатить, если Егор так хочет. Всё официально.

– Я подумаю и отвечу, – говорит Егор и уходит в душ.

Свете кажется странным, что он медлит в такой момент. После душа Егор садится за компьютер, а ещё через полчаса подзывает жену к себе.

На экране – истории людей, попавших в клинику к доктору Бурову. Во вкладках рядом – иски к его клинике на сайте арбитражного суда.

– Выиграть сложно, – говорит Егор. – Анализы они и впрямь проводят, а кроме этого по договору ничего не обещают. А то, что цена на анализы завышена в несколько раз, так это уже проблемы клиента, он на цены сам подписывается...

Света читает отзывы.

«Мошенники! Убийцы!»

«Сами виноваты, – отвечает кто-то. – Читать надо, что подписываете...»

«Мать умерла, в клинике бросают трубку...»

От льющегося с экрана чёрного негатива Свету начинает потрясывать. Неужели доктор обманывал? А ведь он целовал её ребёнка!..

Егор заключает её в объятия.

* * *

Егор выбирает клинику, где они сдают анализы. Иммуно-

лог долго разглядывает результаты, перекладывая листы А4 с таблицами. Выписывает множество витаминов для поддержания иммунитета – он у малыша крайне ослаблен.

В среднем в месяц на лечение Феди уходит от ста пятидесяти до ста восьмидесяти тысяч. Сбережения, собранные Егором за годы работы руководителем IT-проекта, постепенно тают. Егор успокаивает жену: денег хватит на то время, пока они «разбираются в проблеме». Света спрашивает, что это значит. Егор отвечает: «Если Федю можно вылечить, то мы успеем найти решение, прежде чем у нас кончатся деньги». Фраза Свете не нравится, но она кивает. Егор, как всегда, прав.

В МГНЦ – медико-генетическом научном центре в Москве – их не встречает менеджер или главврач. Вместо этого приходится отстоять очередь в регистратуру и оплатить консультацию. И хотя они записывались на приём ко времени, кабинет занят, и они ждут на кушетке. Девушка, сидящая напротив, слегка кривится при виде ребёнка – или Свете это только кажется – и утыкается в телефон. Свете хочется ударить её, но вместо этого она с преувеличенной нежностью начинает успокаивать Федю, который опять плачет.

– Синдром Фоули в настоящее время не лечится, – говорит врач. – Можно продлить ребёнку жизнь, но полноценным членом общества он не станет.

«И никаким не станет», – думает Егор. Света такие версии уже слышала и лишь морщится: ей противны бессиль-

ные поролоновые доктора.

Врач достаёт бланк назначений и пишет перечень препаратов и процедур. Ничего нового: мази, таблетки, ингаляции, гемодиализ...

Они едут обратно. Света недовольна: похоже, с них попусту содрали деньги. Егор помалкивает и следит за дорогой. Дома они накладывают Феде мазь и укладывают его спать, а Егор ведёт Свету на кухню и прикрывает дверь. На ноутбуке он открывает свой документ со ссылками и начинает рассказывать.

Последние полгода он изучал информацию о синдроме Фоули. Достоверных фактов до недавнего времени он практически не встречал. Но вот на этом сайте впервые наткнулся на упоминание: американский ИОМ – институт медицины – проводит исследования.

– Я нашёл оригинальный документ, – Егор кликает следующую ссылку, и открывается сайт ИОМ. От мелкого текста на английском языке у Светы начинает рябить в глазах. – Краткая суть такая. Синдром Фоули вылечить нельзя. В этом сегодняшней врач прав.

Света пока не понимает.

– Так ты же говорил про исследования...

– Да. Они проводят эксперименты: подсаживают здоровый ген взамен того, который вызывает преждевременное старение. Есть успешные опыты на крысах... и провальные – на собаке.

Света молчит.

– Я посмотрел раздел финансирования: сколько они просят и сколько им дают. Насколько я могу судить, есть маленькая вероятность, что в ближайшие 10–15 лет синдром Фоули из неизлечимой болезни превратится в излечимую. Правда, его излечение не отменит те процессы, которые уже произошли, а лишь остановит их – в лучшем случае. То есть ребёнок так и останется уродливым, с массой болезней, вызванных старением и, вероятно, недоразвитым мозгом.

– Федя не уродливый...

– И надо помнить: если текущие исследования даже приведут к открытию, то доступно такое лечение, скорее всего, будет лишь в считанных местах и за огромные деньги.

– Ты веришь в это?

– Во что? В то, что мы сможем его вылечить?

– Нет, во всё... это, – Света указывает подбородком на экран. – Что нельзя его вылечить сейчас.

– Наверняка. Я вижу критическую массу авторитетных источников, которые утверждают одно и то же.

Егор поворачивается на стуле – лицом к жене.

– Вылечить Федю нельзя, – Света берёт Егора за руку, но он продолжает. – Никакой сколько-нибудь реалистичной возможности. Он никогда не станет полноценным человеком, мужчиной, а будет только висеть у нас на шее...

«Грудой мяса», – это Егор говорит уже про себя.

– Зачем ты... Ты же сам всегда говорил, что надо бороть-

ся!

– Бороться – значит действовать вдумчиво.

– Бороться – значит бороться за жизнь нашего сына! – в уголках её красных глаз в очередной раз взбухают крупные слёзы. Егор удивляется, что это происходит только теперь.

– Представь, – говорит он. – Просто представь, что наш малыш умер бы при родах. Ты знаешь, что вероятность этого была велика. Что бы ты тогда делала?

– Умерла бы от горя.

– Не умерла бы. Да, тебе было бы очень тяжело, – Света скидывает на него лицо, но Егор продолжает, – Больно, да. Очень и очень плохо. Но ты бы пережила это. А что дальше? Только успокойся и постарайся ответить здраво.

Света чувствует ноющую боль в груди. Егор никогда не говорил так. Он не говорил, что всё будет хорошо, но ещё ни разу не заявлял, что точно не будет. Каким-то невероятным образом это внезапно заставляет её саму собраться. Она перестаёт чувствовать себя беспомощной.

– Думаю, я бы долго отходила. Не знаю, что дальше. И зачем.

– Мы бы попробовали снова.

– Что?..

– Мы родили бы нового ребенка, у которого, возможно, был бы хронический насморк, аллергия на кошек или еще что. Но не синдром Фоули.

– К чему сейчас эти разговоры?

– А вот к чему. Хочешь нового?

Света не понимает.

– Любимый... Ты очень хороший. Но ты же лучше меня знаешь, что у нас нет денег. На Федю-то с трудом хватает.

Егор кивает.

– Именно. Поэтому и не живёт наш здоровый и счастливый ребенок. Его жизнь украл инвалид, который никогда не выжил бы в естественной среде. И не смог бы передать свои гены потомству – впрочем, он и так их не передаст.

Егор, всегда такой родной и тёплый, становится вдруг чужим и колючим. От него несёт холодом больничной палаты. Света ощущает невольный порыв – передвинуть стул, чтобы заслонить собой дверь в спальню, где спит Федя. Защитить его... от собственного отца? Абсурд.

– Какая теперь разница? – говорит она. – Ты прекрасно знаешь, что мы не виноваты. Мы не выбирали Феде такую судьбу.

– Мы выбираем сейчас.

Думать и действовать рассудительно – так он её учил.

– Что ты предлагаешь? – тихо спрашивает Света.

– Я считаю, что поддерживать жизнь в... нынешнем ребёнке – пустая трата ресурсов, которые нужно направить на благое дело. А именно – на содержание и воспитание нового. Сейчас нам достаточно перестать вливать деньги в медицину – и наш нынешний ребёнок, – похоже, Егор намеренно избегает произносить имя сына, – долго не протянет. Его смерть

никого не удивит, да и преступления мы не совершим.

Света смотрит мужу в глаза. Тот сидит спокойно, сложив руки на груди. Показывает: да, я опасен, но моя сила в узде – до поры до времени... «Что?» – Света внезапно осознаёт свои мысли, и те поражают её. В своём ли она уме, в конце-то концов? А Егор? Всерьёз ли говорит об убийстве собственного сына?

– Ты же знаешь, что есть шанс его вылечить, – говорит она.

– Шансы нужно оценивать здраво. Я действовал на пределе возможностей, чтобы помочь ребёнку. Работал, изучал все источники информации. Нам требуется, чтобы в ближайшие лет двадцать – а скорее всего раньше – нашли способ лечить синдром Фоули. Да ещё и так, чтобы вернуть развалину, которой к тому времени станет наш ребёнок, – к нормальной жизни. Как думаешь, какова вероятность этого?

– Я не знаю!!! – кричит Света. Федя в комнате начинает плакать. Света пытается встать, но Егор останавливает её.

– Подожди. Надо закончить. Так вот, вероятность этого мала. Навскидку, может, процентов пять. Умножь их на шанс, что новейшее, только разработанное лекарство получит наш ребёнок. Вот и получится итог – процента два в самом лучшем случае.

– Федя – наш мальчик! Конечно, они найдут лекарство!

– По моим прикидкам, будет иначе с вероятностью 98%. И все эти годы мы будем зашиваться на работе – в основном

я, конечно – и надеяться на чудо. Альтернатива – воспитать нового здорового ребёнка. Достойного человека.

– Мы родители Феде. Именно он у нас родился, а не кто-то другой. И мы должны заботиться о нём и любить его таким, какой он есть.

– Должны? Кому конкретно, ему? – Егор указывает на дверь комнаты. – Не уверен, что он выбрал бы себе такую жизнь вместо смерти. Сейчас же он вообще ничего не может выбрать – он младенец. Если же говорить о долге, то как насчёт обязательства перед человечеством – оставить здоровое потомство? Скажешь, чушь? Может, и так! Но тогда и обязательство любой ценой удерживать от смерти того, кто жить не должен, – тоже чушь. Я *хочу* здорового ребенка, – заканчивает Егор неожиданно страстно.

– Я никогда не брошу Федю.

Егор барабанит пальцами по столу, но тут же останавливается, будто одёргивая себя. Когда он заговаривает, голос уже звучит бесцветно, едва ли не механически.

– Думаю, тут мы не придём к согласию.

– Не придём, – кивает Света. – Что же дальше?

– Я уйду, очевидно, – Егор пожимает плечами. – Это тяжело, но я всё обдумал и принял решение.

Свете начинает казаться, что всё это – глупая шутка. Егор не может так поступить – с ней и с сыном! Но человек, сидящей перед ней, выглядит чужим, и говорят они на разных языках. Света только качает головой.

– Я спать, – Егор встаёт.

Больше в этот вечер Света его не тревожит. Так же и на следующее утро: пока Егор собирается на работу, она кормит Фёду и не смотрит на мужа.

Вечером, зайдя в квартиру, Егор застаёт в прихожей чужую обувь. На кухне сидят родители Светы. Сама она с Фёдей на руках зачем-то забилась в угол – и снова не глядит на Егора.

– Привет, Егор. Присядешь? – Вячеслав пожимает ему руку. Егор опускается на стул.

– Света рассказала нам с супругой поразительную историю, – Вячеслав делает многозначительную паузу, и тёща кивает. – Мы все знаем, как тебе тяжело. Представляю, как ты устал. Но сам понимаешь, что бросать ребёнка – совсем не вариант.

– Тут есть вопрос? – скучно уточняет Егор.

На лицах родственников – секундное замешательство. Но отвечает Вячеслав твёрдо:

– Думаю, никаких. Как я и сказал.

– Значит, ко мне вопросов нет. Я пойду. Сегодня я действительно устал, а мне ещё вещи собирать.

– Куда ты собрался?

– Пока у друга остановлюсь.

– Так ты всерьёз решил бросить Свету с ребёнком?! – Вячеслав, похоже, поражён до глубины души.

– Об этом я и сказал. Полагаю, мы разведёмся. Разумеет-

ся, я буду платить алименты, положенные по закону.

– Ты прекрасно знаешь, что этих денег и близко не хватит! – Вячеслав повышает голос.

– Знаю. Но я уже объяснил свою позицию.

– Это подло!

Егор вдруг чувствует, что с него довольно. Он видит эту беседу наперёд... да что там, он мог бы предсказать её содержание до того, как было сказано первое слово. Он неуязвим для претензий: все обвинения слетят с него, будто песок. Но услышав про подлость, Егор решает, что пора закругляться.

– Ага, значит, вы решили поучить меня жить. А сколько вы пожертвовали на лечение нашего сына? Ах да, триста тысяч... Солидная сумма. Она буквально демонстрирует вашу озабоченность... ваши серьёзные намерения, – лицо Вячеслава начинает наливаться кровью. – Плазма – семьдесят, занавески – десять, тойота – шестьсот, ребёнок – триста. Я за полгода потратил миллион, а теперь должен положить и всю свою жизнь – ту самую, со счастливой женой и здоровыми детьми. И я сделал бы это не задумываясь – если бы верил в успех!

Тёща не проявляет солидарности с побагровевшим супругом – она бледнеет. Света по-прежнему не смотрит на Егора, но если до этого она качала Федю на руках, то теперь просто застывает с опущенной головой. Ребёнок, как ни странно, молчит.

– Окей, – Егор проводит над столом ладонью, подводя

черту. – Теперь вопрос *у меня*. Представьте, что я уже ушёл – тем более, так оно и есть. Что будете делать? Я подскажу: все вместе вы сможете зарабатывать немногим меньше, чем я один. Надо, естественно, продать квартиру и обе машины. Вероятнее всего, с учётом стартового капитала, денег хватит на те самые лет двадцать лечения неизлечимого. Может быть – если реализуются те 2% – вы вылечите Федю и останетесь нищими. Если, конечно, напоследок найдёте где-то денег на операцию. И с вероятностью 98% вы просто останетесь нищими, а ребёнок умрёт. Туда же – в никуда – пойдут годы жизни, потраченные на его спасение.

Света поднимает голову.

– Это твой ребенок. Ты сделал его, и ты несёшь за него ответственность.

– Я тебя люблю, – говорит Егор. – И буду любить – ты меня знаешь. За вещами заеду позже. Квартиру пока делить не будем – найду, где пожить. Но знай, я оставляю за собой законное право: рано или поздно мне может понадобиться моя доля.

Егор складывает в рюкзак самое необходимое. Он не хлопает дверью, а аккуратно закрывает её своим ключом. Вот Свету и покинул последний защитник – самый мужественный и спокойный, самый разумный и надёжный. Мать уже оправилась от шока – она садится рядом и начинает бормотать что-то утешительное.

– Держись, Светик. Мы рядом, – говорит отец.

– А я-то что? – неожиданно ровно отвечает Света. – Я в порядке, это Феде нужна помощь. И Егор прав: машины надо продавать, а квартиры разменивать. Иначе мы не продержимся и года. И работать-работать-работать.

– Квартиру продавать? – уточняет мать.

Отец вмешивается:

– Ну, ты не руби с плеча. Это серьёзный шаг. Надо всё обдумать.

– А ты видишь другой путь? У тебя где-то завалялась пара-тройка лишних миллионов?

– Ну тише, Света, – отец недоволен. – Нам всем сейчас плохо. Держи себя в руках.

– Ладно вам, – говорит мать. – Слава! Сейчас Свете и без наших склок тошно. Уже поздно, и Феде пора делать процедуры. Утро вечера мудренее.

Света вновь опускает голову и глядит на Федю. Да, конечно, если отбросить чёртов материнский инстинкт – он некрасив. Уродлив ли?.. Во всяком случае, несколько неприятен. Но это её ребёнок. У неё есть варианты, где занять, заработать, украсть. У неё ещё остаются её два процента.